

УДК 82-95 : 821.111Шепард

**ПУРИТАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА: ТВОРЧЕСТВО ТОМАСА ШЕПАРДА****А.Л. ЦЕРКОВСКИЙ***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

Анализируется творчество малоизученного представителя ранней американской литературы – Томаса Шепарда. Описывается культурно-историческая обстановка, в которой жил писатель, анализируется поэтика его работ. Утверждается, что на формирование его мировоззрения решающее влияние оказало христианское вероучение (пуританизм). В статье показано, какие библейские образы и аллюзии нашли отражение в творчестве Т. Шепарда. Рассмотрены особенности его богословского и, как следствие, художественного творчества. Делается вывод, что Т. Шепард был менее склонен к документальному жанру, более – к беллетристическому, о чем свидетельствует наличие разветвленной системы выразительных средств и глубокий символизм образов в его сочинениях. В этих текстах можно найти обилие сложных художественных приемов, таких как гиперболизация, метафоризация, аллитерация и др. Анализ жизни и творчества Т. Шепарда помогает глубже понять специфику формирования американской литературной традиции.

Введение. Литературная традиция США в истории мировой литературы занимает особое место. Ее становление происходило в условиях переплетения множества парадигм, что и определило ее уникальность и самобытность. Религиозная картина мира в художественном пространстве США сегодня рассматривается как одна из основных и наиболее влиятельных. Культурно-религиозный феномен пуританизма оказал мощное влияние на становление литературы США. В литературоведении сегодня ведутся дискуссии по вопросу влияния доктрин пуританизма на культурную самоидентификацию американцев. Идеи теоцентризма, предложенные пуританами, трансформированные в демократическую парадигму, лежат в основе американской государственности.

Одним из самых ярких и талантливых литераторов и проповедников Новой Англии периода пуританской колонизации был Томас Шепард (*Thomas Shepard, 1604/1605–1649*). Он принадлежал к первым поколениям новоанглийских пилигримов, которые с самого начала своего присутствия на Новой земле активно занимались не только сельскохозяйственными и административными работами, но – прежде всего – работой интеллектуальной, творческой. Шепард оставил после себя целый корпус художественно-документальных текстов, которые впоследствии вошли в историю американской литературы колониального периода как ценный источник о жизни первых поселенцев Новой Англии.

Основная часть. Творчество Томаса Шепарда стало объектом литературоведческого анализа сравнительно недавно. Его книгами интересовались не только простые читатели, но и богословы, историки, политики и литературоведы.

В отечественном литературоведении о Т. Шепарде стали писать только в конце XX в. Например, в классической двухтомной «Истории американской литературы» под редакцией профессора Н.И. Самохвалова [1] о Шепарде не сказано ни слова (что можно объяснить небольшим форматом издания). Исследования «Истоки и формирование американской национальной литературы» под редакцией Я.Н. Засурского и «У истоков американской истории: Виргиния. Новый Плимут (1606–1642)» Л.Ю. Слезкина важны для изучения вопроса становления американской литературы, но в них нет анализа творчества Т. Шепарда. Имя Т. Шепарда можно встретить в исследованиях М.М. Коренева, в частности, в пятитомной «Истории литературы США» в разделе «Сочинения ново-английских пуритан. Миссия и историческая реальность», которая описывает Т. Шепарда как уникального представителя ранней американской литературы, ведь «Ему удавалось и то, что было не под силу многим его собратьям – представить радостные, исполненные света картины блаженства души, приобщенной к Господу» [2, с. 178]. Нужно отметить, что М.М. Коренева дала наиболее развернутое в отечественной литературной критике описание жизни и творчества Шепарда, но вместе с тем она использовала в своем анализе три работы зарубежных критиков, преимущественно исследование М. МакГифферта (его вводную статью к изданию) [3]. Занимаясь проблемами ранней американской литературы, К.М. Баранова в своей монографии практически не уделяет внимания творчеству Т. Шепарда, лишь упоминая о нем (вместе с Брэдфордом, Уинтропом, Митчеллом, Мэзером, Хукером и др.) при описании художественного воплощения мотива *industry* в сочинениях новоанглийских авторов [4]. В монографии, посвященной проблемам американской литературы XVII–XVIII вв., российский литературовед Л.А. Мишина говорит о Т. Шепарде как об одном из самых ярких представителей новоанглийской словесности [5]. По этой причине она включила в один из разделов своей монографии перевод отрывков из работ Т. Шепарда, что повышает вероятность дальнейшего изучения текстуального наследия талантливого проповедника другими отечественными литературоведа-

ми. Проблема перевода текстов ранней американской литературы на русский язык сегодня актуальна – за исключением некоторых работ (например, «История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда) на постсоветском пространстве практически нет изданий, которые бы знакомили читателя с произведениями американской литературы периода ее генезиса.

В англоязычном литературоведении имя Т. Шепарда известно уже начиная с XIX в. Так, Дж. Албро написал книгу «Жизнь Томаса Шепарда» (*The life of Thomas Shepard, 1847*) [6], где подробно описал духовный поиск пуританского проповедника. Дж. Албро склоняется к тому, что Шепард интересен читателям своим горячим поиском Истины, неугасающим сердцем и ярким художественным словом. А. Уайт в своем исследовании жизни и творчества Т. Шепарда «Томас Шепард, отец-пилигрим и основатель Гарварда» (*Thomas Shepard, Pilgrim Father and Founder of Harvard; His Spiritual Experience and Experimental Preaching, 1909*) [7] дает аналитическое сравнение богословских и гражданских взглядов Шепарда с его современниками, подробно останавливается на описании самых важных сочинений проповедника. Т. Вэрдж попытался составить свое понимание жизненного пути талантливого писателя и проповедника в своей книге «Томас Шепард» (*Thomas Shepard, 1987*) [8]. В ней Т. Вэрдж много рассуждает об исторической обстановке, в которой жил Шепард, делает выводы, что Шепард во многом способствовал развитию демократических идей в Новой Англии, а также отмечает красоту слога автора. Работа Р. Глисона «Шепард: человек, вдохновивший Джонатана Эдвардса» (*Shepard: The Man Who Inspired Jonathan Edwards*) является важной для изучения истории американской литературы. В ней автор описывает идейную преемственность между двумя знаменитыми пуританами: Т. Шепардом и более знаменитым пуританином – Дж. Эдвардсом [9]. Анализ основных лейтмотивов сочинений Дж. Эдвардса достаточно хорошо проработаны в диссертации К.М. Барановой [4]. Сравнительный анализ сочинений Эдвардса и Шепарда представляет собой несомненный литературоведческий интерес.

Важное значение при анализе творчества Т. Шепарда имеет «Кембриджская история американской литературы» в 8-ми томах под ред. С. Берковича (1994–2005) [10]. В этом коллективном труде имя Шепарда фигурирует в разделе, посвященном изучению художественных и гражданских идей ранней американской литературы. Т. Шепард описан здесь как талантливый проповедник и литератор.

Богословский анализ работ Т. Шепарда (прежде всего, «Автобиографии»; *The Autobiography of Thomas Shepard, 1832*) предоставил Г. Олд в книге «Чтение и проповедь Священного Писания в богослужении Христианской Церкви» (*The Reading and Preaching of the Scriptures in the Worship of the Christian Church Volume 5: Moderatism, Pietism, and Awakening, 2004*) [11]. В этой книге анализу богословских идей Шепарда посвящена отдельная глава. В целом, это исследование важно для литературоведческого анализа работ Шепарда, так как помогает глубже понять не только религиозные идеи писателя, но и его гражданские позиции.

О начале жизни Т. Шепарда известно не так много (нет даже точной даты его рождения: 1604 или 1605). Он был выходцем из небогатой английской семьи, окончил Кембридж и почти сразу после обучения стал благовествовать. Как писал Г. Олд, «Будучи типичным пуританином, он прилагал все усилия, чтобы жить по-христиански» [11, р. 192] (здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод английских текстов наш. – А.Ц.). Это было то время, когда в Англии велась борьба за определение гегемонии одной конфессии – Англиканской церкви, что сопровождалось серьезными противоречиями с католической церковью и еще более жестокими мероприятиями по отношению к протестантским общинам, прежде всего – к пуританам, что впоследствии и станет фактической причиной переселения английских пуритан из Англии в Новый Свет [12].

Не боясь преследования, Т. Шепард открыто проповедовал пуританское понимание христианства, снискал популярность и поддержку многих верующих, но исторические реалии были таковы, что долго эта открытая проповедь продолжаться не могла: в 1635 году знаменитый архиепископ Лод запретил Томасу Шепарду заниматься богословской деятельностью. Этот запрет вынудил Шепарда в 1635 году уехать за океан из Англии, в которой люди далеко ушли от благочестивого, евангельского образа жизни и были «...озабочены судебными процессами, и почти что поглощены самоуверенностью и тяготеющими хлопотами о выплате долгов» [13, р. 33].

Приехав на Новую землю, Шепарду нужно было идейно описать свою миссию, обозначить круг своих религиозных и гражданских позиций. Первые поколения поселенцев часто занимались апологетической деятельностью, которая повлияла на формирование полемической литературы Новой Англии. Отцы-пилигримы несли в себе идею преобразования окружающего мира, идею «исправления» европейской (и мировой) истории в соответствии с библейскими нравственными нормами. Как отмечает Т. Элиот, «идею Христианского общества мы можем принимать или отвергать; но если мы намереваемся принять ее, мы должны относиться к христианству с гораздо большим интеллектуальным почтением, нежели у нас заведено; мы должны относиться к нему прежде всего как к предмету мысли, а не чувства отдельного индивида» [14, с. 9]. Понимание христианского общества как объекта богословского, философского и гражданского анализа было близко для новоанглийских писателей.

Многие переселенцы выбирали Новую Англию как возможность сохранить истинное, как они думали, христианство (*pure belief*). Другие ехали для т.н. борьбы с Сатаной, сопротивления злу, но все «Они (пуритане – А.Ц.) прибыли на новые земли с мечтой основать Новую Англию со строгим пуританским идеалом благочестия и нравственной строгости» [15, с. 351]. Шепард вошел в историю как один из наименее воинственных, хотя и весьма убежденных, пуритан. Как отмечает М. МакГифферт, «Шепард по своей природе не был бунтарем, пророком или мучеником, у него не было величия Мильтона или воинственного духа Кромвеля» [3, р. 55]. Проповедник пишет о своем переезде из старой Англии в Новую Англию как о predetermined событии, шансе, который он не мог упустить: «Господь открыл мне дверь для побега, и я более не видел причин не воспользоваться этим, несмотря на то, что мне следовало бы остаться и страдать за Христа» [3, р. 55].

По прибытии на берега американского континента Шепард достаточно быстро ассимилировался с формирующимся обществом: он взял на себя пастырское служение в церкви, проводил многочисленные духовные беседы с учащимися Гарвардского колледжа. Нужно отметить, что Т. Шепард приложил немало усилий для сохранения и процветания Гарварда: он занимался пополнением книжного фонда колледжа (в основном – добывая книги из Англии), искал спонсоров, проводил академическую и теологическую работу [7]. Хорошее образование сформировало в нем тонкий читательский вкус, поэтому он нередко отставал перед фанатично настроенными членами церкви необходимость общекультурного просвещения, которое невозможно без изучения «языческой» светской литературы.

Переселение пуритан на новые земли он сравнивает с воскресением из мертвых (*resurrection of the dead*), говоря об удивительных не только религиозных (в вопросе свободы совести), но и гражданских (в вопросе выбора губернатора колонии, распределения земли и др.) потенциальных возможностях Новой Англии. Он воспринимал происходящее с ним через призму своих пуританских убеждений. Так, оценивая преимущества теократической формы государственного устройства, которая сложилась в Новой Англии, в «Притче о десяти девицах» (*The Parable of the Ten Virgins, 1660*) он пишет: «В мире не найти места, где была бы такая надежда обрести Бога, как здесь, и потому люди благодарят Всевышнего за наше восходящее солнце, в то время как везде оно заходит» [16]. Метафора солнца здесь описывает убежденность автора в великом будущем той земли, которая дала надежду гонимым пуританам. Новая Англия становится местом восходящего солнца, новым цивилизационным центром вокруг которого, по представлениям пуритан, должно происходить строительство нового теократического общества. «Везде заходящее солнце» – это отжившая свое континентальная Европа, «закат» которой впоследствии попытается описать О. Шпенглер. Эти слова из проповеди указывают на принципиальное противостояние старого и нового, сакрального и профанного в сознании пуритан Новой Англии, а также показывают, что Т. Шепард, вместе с другими колонистами, глубоко верил в исключительность миссии пуритан не только на Новой земле, но и в истории человечества вообще. Разумеется, подобный религиозный пафос нашел яркое отражение в дневниковых записях, эссе, проповедях, полемических трактатах новоанглийской литературы.

С самого начала существования колонии начинает формироваться миф о некоей особенной исторической значимости миссии пуритан (что впоследствии трансформируется в экспорт американских ценностей, идею стратегического доминирования США в глобальном масштабе и пр.). Нередко пуритане, в т.ч. Шепард, сравнивали свою общину с еврейским народом, который сорок лет ходил по пустыне, и только после этого пришел на Землю Обетованную. Новая земля сакрализуется, постепенно наделяется мистическим статусом особого, священного места: «молитвенные дома пребывают здесь в мире; общины – в мире; священнослужители – в самом благочестивом мире; магистраты (мне следовало бы отметить сначала их) – в мире» [3, р. 9].

Томас Шепард был умным и честным человеком, поэтому те идеи, которые его волновали более всего в жизни, анализировались им, осмысливались и подвергались критическому анализу. Несвойственное пуританской культуре осуждение отдельных сторон жизни собственной общины было характерной чертой личности Т. Шепарда. Проповедник говорил о некоем «сонном» состоянии зарождающейся культуры, о чрезмерной мечтательности ее представителей. Тот мир, о котором писали новоанглийские авторы, представлялся Шепарду, уже прожившему какое-то время на Новой земле, лишь целью, но не данностью. Шепард рассуждает о «подозрительной уверенности», которая пленила пилигримов и из-за которой отходят на второй план молитва, милосердие, кротость, нивелируется страх перед Богом, забывается покаяние, возрастает равнодушие к голгофской жертве Бога. Духовная дремота, безынициативность многих пуритан не позволит им выполнить возложенную на них Богом миссию – построить новое теократическое общество на пуританских принципах жизни. Этот процесс религиозной деградации молодой общины Шепард называет грехом Новой Англии и описывает его так: «Не впали ли мы здесь в мечтательность? Что еще может означать это помутнение наших рассудков? Что за стая ненормальных идей, которые (будто мухи) устремились к ранам в человеческих головах и сердцах <...>. Что они могут означать, если люди не спят? Во-первых, одурманивающие земные мечты. Во-вторых, золотые мечты о благодати <...>, мечты, будто бы это внешнее благочестие может приблизить благодать, в то время как оно отдаляет нас от нее» [13, р. 172].

Важно отметить, что Шепард, вслед за Кальвином, исповедовал идею предопределения, которое распространялась, по их мнению, не только на отдельного человека, но и на народы (впоследствии это трансформируется в гражданскую идею избранности (*elected people*) американской нации, содержащую в себе мессианский импульс). Но несправедливо считать, что Шепард был последовательным учеником Кальвина. Теологию одного из самых радикальных реформаторов (Ж. Кальвина) А. Лосев описывает так: «Кальвин (1509–1564) оказался представителем столь мрачного и моралистически неприступного христианства, столь аскетического и далекого от живой общности пуританства, что даже получил кличку *Accusatives* – термин, указывающий не только на определенную грамматическую категорию, но и связанный с понятием обвинения. Кальвин всех и вся на свете обвинял в недостаточной морали, в плохом поведении, в христианском недомыслии. И тут уж не было ни малейшего намека на какую-нибудь эстетику или искусство. Мрачный пуританизм, исходя из самых либеральных и даже революционных источников, в конце концов оказался крайним противником всякого гуманизма и свободомыслия и, можно сказать, столпом буржуазной реакции» [17, с. 378]. Подобный «мрачный пуританизм» был свойственен, скорее, другому представителю новоанглийской словесности – К. Мэзеру. Мировоззренческие взгляды Т. Шепарда претерпели за всю его жизнь существенные изменения, в частности, суровая кальвинистская доктрина о нравственной чистоте в творчестве Шепарда упразднилась идеей о божественной милости к грешникам [6], [8], [10].

Тем, кто не боится наказания за своевольную жизнь, Шепард напоминает: «Задумайтесь, какой гнев Бога ожидает неверных, которые, подобно жабам, вылезут зимой из своих ям...» [13, р. 174]. В этом образе жабы (который автор использует во многих своих работах) Шепард удачно выражает свое отношение к грехам тех, кто не хочет видеть знамений от Бога – отступление от чистой веры для благоверного пуританина представляется омерзительным и противным. Эти люди обречены на гибель. Так, в «Искренне обращенном» (*The Sincere Convert, 1640*), он пишет: «Душа твоя будет вытащена из тела твоего, словно из гнилого заточения, Сатаной, тюремщиком... и ты будешь без друга стоять там, без утешения...» [18, р. 226]. Эта образность усиливается далее: «Когда Судья и Члены Суда будут сидеть по правую руку от Христа <...>, тогда обвиненные преступники, подобно грязным жабам перед ужасной бурей, будут выведены из своих могил» [18, р. 228].

Художественное и идейное своеобразие произведений Шепарда состоит также в том, что он стремился совместить эти две идейно-религиозные модели пуританизма: с одной стороны, уверовавшим во Христа наследуется жизнь вечная, с другой стороны – тем, кто верит «неверно» или тем, кто вообще отрицает Бога, уготованы вечные мучения. Воспоминания об аде – важный, по мысли Шепарда, стимул для укрепления благочестивой жизни: «мир, в котором мы живем – это сцена, на которой Великодушие и Терпение Бога играют свою роль, именно поэтому (т.к. это ощущаемо) всякий человек полагает, что Бог милостив. Однако это вступает в противоречие с другой характеристикой Бога – Справедливостью (будто бы Он только Мед без Отравы), поэтому нечестивцы благоденствуют и живут вне наказания и погибают в мире...» [18, р. 228]. Это очень интересная богословская задача в христианстве: по каким критериям можно определить спасение души? Что должен сделать человек (или – чего он не должен делать), чтобы и после земной жизни остаться с Богом? Шепард предостерегает верующих от поверхностного, примитивного, по его мнению, и даже более – губительного понимания сущности Бога, ведь чрезмерная надежда на милость Создателя приведет к утрате веры, падению нравов и устоев пуританского общества. Образ Бога карающего, жестокого и справедливого должен был ужаснуть верующих и ободрить их на нелегком пути жизни по пуританским правилам, но «при всем этом, – пишет Дж. Албро, – беспокойство его ума и угрызения совести по причине фактических грехов не позволяли ему (Шепарду – А.Ц.) достигнуть истинного самопознания» [6, р. 29].

Среди множества авторов американской литературы колониального периода Т. Шепарда выгодно отличало желание описать в своих сочинениях не только божий гнев, но напомнить о любви Бога к людям, о готовности Всевышнего помочь человеку. Описывая те преимущества, которые есть у праведника перед грешником, Шепард стремился склонить тех, кто еще не ведет подобающий образ жизни, к изменениям. Особенно ярко это прослеживается в его ранних работах, например, «Твердо верующий» (*The Sound Believer, ок. 1633*): «Когда души спасенных людей соединятся со Всевышним, наши глаза, уши, наш разум и наши сердца будут непрерывно очарованы восхитительным светом, что светит ярче десяти тысяч солнц; это сияние сотворено божественным трудом <...>, расшито всеми цветами всех оттенков гениальным мастерством самого Создателя...» [3, р. 35]. Фантазии о том, каковы будут обстоятельства загробной жизни пуритан, стали популярной темой всей новоанглийской словесности. Шепард убеждает своих читателей, что «...все, лицемерящие (третье небо – А. Ц.) будут в изумлении от таких мешков с прахом, как мы, достигших несопоставимой красоты и умиления небесного сияния» [3, р. 35]. Это чудесное место будет для тех, кого приняли в т.н. «лоно Авраамово» и кто от «семени Авраама»; спасенные будут рассуждать о чудесах, сотворенных Господом, и в этих рассуждениях «... каждое слово и фраза будут медом и молоком, слаще любой сладкой земной жизни. Мы будем пребывать в нескончаемом

знании и любви, в почитании друг друга...» [3, р. 35]. Здесь Бог выступает Создателем мира, Владыкой всего сущего. Шепард как бы воссоздает библейскую картину сотворения мира («...расширо всеми цветами всех оттенков гениальным мастерством самого Создателя...»), которая описана в книге Бытия: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31 [19]).

Во многих трудах Шепарда уже можно наблюдать становление традиции собственно национальной американской литературы. Он был менее склонен к документальному жанру, более – к беллетристическому, о чем свидетельствует наличие достаточно сложной и разветвленной системы выразительных средств, глубокий символизм образов в его сочинениях. Например, в его текстах можно найти обилие сложных художественных приемов, таких как гиперболизация («ярче десяти тысяч солнц»), метафоризация («всеми цветами всех оттенков») и др.

Интересно, что богословие Шепарда, допускающее идею «предызбранности» людей ко спасению, включает в себя мнение, что даже избранный человек может утратить эту свою привилегию, если он не будет жить по Слову Бога (в скобках отметим – не будет жить по тому пониманию Слова Бога, которое было у новоанглийских пуритан). Анализируя творчество Т. Шепарда, американский исследователь Мак-Гифферт приходит к выводу, что в работах этого новоанглийского автора наблюдается формирование идеи свободы совести: «людей невозможно страхом загнать на Небо; подлинная святость проистекала не из страха, а из чувства благодарности и любви, представляющих собой надлежащий ответ избранного на предложение о спасении» [2, с. 179]. Эта идея лежит на историческом рубеже окончательного разделения религиозной и светской сторон жизни западного общества, в котором процесс секуляризации со времен Реформации только возрастает.

Столь смелые и яркие мысли Шепарда раскрывают в нем глубокий потенциал гражданина, показывают не узкосектантское мышление пуританского проповедника, а диалектическое понимание хода истории. Впрочем, скорее, правомерно говорить о дуализме его мышления (и, как следствие, дуализме идей в его сочинениях), так как в разные годы жизни он с разным усилием поднимает проблему «святости» и «греховности» людей. Постепенно выкристаллизовывается парадигма «just puritan» – просто пуританин, просто верующий, которому свойственны и нравственные подвиги, и нравственные падения, что не умаляет его гражданского достоинства, обеспеченного равенством всех людей: «Посмотрите с одного края небес на другой, Господь испытывает для такого дела, как это (строительство нового государства, впоследствии – США. – А.Ц.), людей всех национальностей, Он посылает своих людей из их процветающих государств далеко в пустыню...» [5, с. 270]. Эта либеральная модель, конечно, придумана не Шепардом, он лишь развивал и адаптировал к реалиям Новой Англии идеи Реформации и Просвещения, но его труды также способствовали установлению демократической парадигмы в американском обществе [7], [10].

Высокий уровень религиозной рефлексии, которого достиг Т. Шепард в своих произведениях, – явление уникальное для американской литературы колониального периода. Вера Шепарда динамично развивалась, а не была незыблемой догмой. Важнейшим вопросом, который пробова разрешить Шепард в своих сочинениях, был, прежде всего, вопрос о том, какова природа личного отношения человека с Богом. Это особенно хорошо запечатлено в его «Автобиографии». Так, Р. Глисон пишет: «Автобиография Шепарда и его личный дневник показывают нам, как его основные богословские темы были разработаны на примере его личного благочестия. В частности, красочный рассказ Шепарда о его собственном духовном пробуждении иллюстрирует его убеждение, что истинное обращение требует полного изменения сердца, ума и чувств» [9]. Мысли талантливого проповедника восходили к пониманию милости Бога как своеобразного фундамента, на котором строится спасение человека, но были периоды, когда Шепард сомневался в том, что такую милость Создателя вообще можно получить. Шепард все время балансировал между тем, чтобы не возгордиться от своих добрых дел (что уже обнаруживает в нем зрелого христианина) и тем, чтобы не войти в т.н. зону духовного комфорта, когда убежденность в спасении души охлаждает веру, порождает леность, провоцирует бездеятельность.

Заключение. Художественная специфика произведений Томаса Шепарда обусловлена наличием в его сочинениях большого количества библейских символов, образов и аллюзий. Ему свойственно тяготение к иносказательности, аллегоричности, метафоризации, антитезе. Так, «семя Авраамово» является важным ветхозаветным и новозаветным образом избранного или усыновленного народа, «лоно Авраамово» символизирует место упокоения душ праведников (в иудаизме) или является прообразом рая (в христианстве). Образ меда и молока Шепард использует в библейском контексте: «Я выведу вас от угнетения Египетского в землю Хананеев, Хеттеев, Амореяв, Ферезеев, [Гергесеев] Евеев и Иевусеев, в землю, где течет молоко и мед» (Исх. 3:17 [19]). Поиск нового Ханаана (места для жизни избранного Богом народа – пуритан) был одной из основных тем его творчества. Религиозно-нравственный потенциал его работ представляется достаточно большим: идея неопределенного результата взаимодействия человека и Бога, неясность в вопросе спасения души (что именно и как должен сделать для этого сам человек) оставляет за человеком право свободного поиска Бога, что не может не быть актуальным в сегодняшнем мире, где фундаменталистские и радикальные религиозные идеи получают стремительное распространение. Анализ этой системы образов и понятий в творчестве Томаса Шепарда помогает лучше понять как

специфику его собственных произведений, так и специфику всей американской литературы колониального периода, а также осознать тот культурно-цивилизационный контекст, в котором происходило становление американской нации, а вместе с этим – ее аутентичной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История американской литературы : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. пед. : в 2-х ч. / Н.И. Самохвалов [и др.] ; под ред. проф. Н.И. Самохвалова. – Ч. 1. – М. : Просвещение, 1971. – 344 с.
2. История литературы США : в 5 т. / ред. кол.: Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наследие, 1997. – Т. 1 : Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. – 1997. – 830 с.
3. Shepard, T. God's Plot: The Paradoxes of Puritan Piety: Being the Autobiography and Journal of Thomas Shepard / T. Shepard ; ed. by Michael McGiffert. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1972. – 252 p.
4. Баранова, К.М. Истоки основных лейтмотивов американской литературы в произведениях колониального периода (XVII век) : моногр. / К.М. Баранова. – М. : МГОУ, 2009. – 258 с.
5. Мишина, Л.А. Американская литература XVII–XVIII вв. Жанры. Взаимосвязи. Переводы / Л.А. Мишина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 300 с.
6. Albro, J.A. The life of Thomas Shepard / J.A. Albro. – Boston, 1847. – 332 p.
7. Whyte, A. Thomas Shepard, Pilgrim Father and Founder of Harvard; His Spiritual Experience and Experimental Preaching / A. Whyte. – Edinburgh and London : O. Anderson and Ferrier, 1909. – 129 p.
8. Werge, T. Thomas Shepard / T. Werge. – Boston : Twayne Publishers, 1987. – 129 p.
9. Gleason, R.C. Shepard: The Man Who Inspired Jonathan Edwards [Electronic recourse] / R.C. Gleason. – Mode of access: <https://www.lifeaction.org/revival-resources/heart-cry-journal/issue-47/thomas-shepard-man-who-inspired-jonathan-edwards/>. – Date of access: 03.05.2015.
10. The Cambridge History of American Literature / S. Bercovitch [et al.] ; ed. by S. Bercovitch. – Cambridge University Press, 1997. – Vol. 1 : 1590 – 1820. – 829 p.
11. Old, H.O. The Reading and Preaching of the Scriptures in the Worship of the Christian Church / H.O. Old. – Publishing Co., Michigan, 2004. – Vol. 5 : Moderatism, Pietism, and Awakening. – 621 p.
12. Церковский, А.Л. Культурно-исторические и художественные особенности формирования литературы Новой Англии / А.Л. Церковский // Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2014. – № 3 (81). – С. 49–52.
13. The Puritans in America. A Narrative Anthology / ed. by A. Heimert and A. Delbanco. – Cambridge, Harvard Univ. Press, 1985. – 438 p.
14. Элиот, Т.С. Избранное : пер. с англ. под ред. А.Н. Дорошевича ; сост., послесловие и коммент. Т.Н. Красавченко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – Т. I–II : Религия, культура, литература. – 752 с.
15. Артамонов, С.Д. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков / С.Д. Артамонов. – М. : Просвещение, 1978. – 608 с.
16. Shepard, T. Parable of the Ten Virgins [Electronic recourse] / T. Shepard. – Mode of access: <https://play.google.com/books/reader?id=uvI2AAAAMAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PP6>. – Date of access: 03.08.2015.
17. Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / А.Ф. Лосев ; сост. А.А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1998. – 750 с.
18. A Library of American Literature / ed. by Edmund Clarence Stedman and Ellen MacKay Hutchinson. – N.Y., 1894. – V. 1. – 560 p.
19. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/biblia/>. – Дата доступа: 23.06.2015.

Поступила 30.06.2015

**PURITAN TRADITION IN AMERICAN LITERATURE OF THE COLONIAL PERIOD:
THE WORK OF THOMAS SHEPARD**

A. TSERKOVSKY

The article deals with the work of poorly studied representative of the New England literature - Thomas Shepard. It describes the cultural and historical context in which Shepard lived, analyzes poetics of his works ("The Parable of the Ten Virgins," 1660; "The Sincere Convert," 1640; "The Sound Believer," 1633 etc.). It is argued that Puritanism played a decisive role on the formation of his worldview. The article shows how the biblical imagery and allusions are reflected in the work of T. Shepard. The features of his theology and his literary work are described. It is concluded that T. Shepard was less prone to the documentary genre and more – to fiction, as evidenced by the presence of a sufficiently complex and extensive system of means of expression and deep symbolism of the images in his works. In his texts it is possible to find an abundance of sophisticated artistic techniques, including comparative exaggeration, metaphorization and others. Analysis of life and works of T. Shepard helps to better understand the specifics of the formation of the American literary tradition.